

• Автор: [Вадим Штепа](#)

[Русский - не российский](#)

Присуждение Нобелевской премии по литературе белорусской писательнице Светлане Алексиевич вызвало бурю негативных эмоций среди ее российских коллег, поддерживающих официальную кремлевскую политику. Критические оценки порою доходят до советского градуса, с которым в свое время «обличались» прежние нобелевские лауреаты – Борис Пастернак и Александр Солженицын – чье творчество также не вписывалось в общепринятые в то время идеологические каноны.

В сегодняшней России таким канонем (негласным, но официально насаждаемым) является имперский патриотизм. Как [убеждает](#) министр культуры РФ Владимир Мединский, российская история должна быть единой и политизированной в интересах государства. Поэтому авторы, которые вместо воспевания патриотической гордости описывают трагедии «маленьких людей», выглядят неблагонадежными. А Светлана Алексиевич, все книги которой как раз и построены на пронзительных диалогах с жертвами великодержавной истории, вообще становится персоной нон-грата в условиях такой культурной политики.

Кроме того, она не является гражданкой России – и это создает непривычное прежде поле конфликтности вокруг нового нобелевского лауреата. Алексиевич родилась на Украине, живет в Беларуси, пишет по-русски. Казалось бы – живое воплощение близости трех восточнославянских

народов, о которой так любят говорить российские патриоты. Однако этого автора они совсем не приветствуют, а напротив – обвиняют в [«руссофобии»](#). Это очень странное и нелепое обвинение, учитывая, что большинство собеседников Алексиевич в ее книгах – русские, чьи судьбы она описывает уважительно и сочувственно. Но все становится на свои места, если мы заметим, что термин «руссофобия» относится нынешней пропагандой не к народу, а к государству. Если какой-то автор позволяет себе критическое отношение к российской государственной политике, он маркируется как «руссофоб».

Таким образом, нынешнее российское государство фактически присваивает право вещать от имени всей русской культуры. Хотя Российская Федерация возникла только в 1991 году, а множество литературных произведений на русском языке написано за ее пределами – как историческими, так и географическими. А когда культура ставится в зависимость от государства, она внутренне искажается, превращается в сугубо пропагандистскую поделку, порождает имперские и воинственные лозунги наподобие «русского мира».

Писатели этого «русского мира», вроде Захара Прилепина, [пугают](#) Европу «русскими подлодками». Однако у Светланы Алексиевич качественно иное [отношение](#) к этому феномену: «Добрый русский мир, гуманитарный русский мир, тот мир, которому до сих пор поклоняются все – литературе, балету, музыке великой, – да, этот мир люблю. Но я не люблю мир Берии, Сталина, Путина, Шойгу – это не мой мир».

Этот контраст весьма напоминает разницу двух «русских миров», которую однажды [проанализировал](#) Владислав Иноземцев. Первый из них, по его мнению, составляют люди, легко интегрирующиеся в глобальное общество, открытые и современно мыслящие. В противоположность этому «русский мир-2» остается консервативным носителем имперских стереотипов.

Одним из таких стереотипов является убеждение в принадлежности русского языка России как государству. Показательно, что аннексия Крыма осуществлялась под лозунгом «спасения русскоязычного населения», хотя ему там ничего не угрожало. Россия, таким образом, превращает русский язык в инструмент своего внешнеполитического влияния. Весьма показательным стал состоявшийся летом [«Всемирный конгресс русской прессы»](#), собравший представителей лояльных Кремлю зарубежных русскоязычных СМИ. На нем вопросы «развития глобального русскоязычного пространства» и «укрепления международного авторитета России» практически не разделялись.

Хотя эта «защита русского языка» за рубежом выглядит очень избирательно и напрямую зависит от государственных интересов. Например, официальная Россия постоянно обвиняет страны Балтии в «руссофобии» – за то, что русскому языку там не предоставляют статус государственного. Эти страны – члены ЕС и НАТО, а следовательно, воспринимаются российской пропагандой враждебно. Однако по отношению к азиатским республикам бывшего СССР аналогичной критики нет, хотя русский язык там также не является государственным. Они считаются союзниками России, и потому Москва просто закрывает глаза на куда более печальное положение русскоязычного населения в этих странах. В [Туркменистане](#) осталась всего одна русская школа – но российские телеканалы просто не обращают на это внимания, в отличие от шумных кампаний в поддержку русских школ в Латвии.

Исторически русский язык долгое время был инструментом расширения империи, а многие народы подвергались насильственной русификации. В XIX веке царские чиновники пытались запрещать украинский и белорусский языки. Отголоски тех кампаний докатились и до сегодняшнего дня, когда некоторые российские конспирологи всерьез утверждают, будто украинский язык «придумали» в австрийском генштабе. В государственной политике также сохраняются элементы насильственной русификации. Например, закон о языках народов РФ требует, чтобы все эти языки для признания их официального статуса имели кириллическую письменность. Для страны, простирающейся от Балтики до Тихого океана, где проживают десятки народов различных языковых групп, это выглядит откровенным подавлением законов лингвистики в интересах имперской унификации.

Разумеется, такая языковая политика вызывала и продолжает вызывать у различных народов сопротивление, основанное на естественном желании сохранить свою культурную специфику. Однако парадокс состоит в том, что сами русские от этой имперской русификации ничего не выиграли, и даже наоборот. В качестве примера можно привести ситуацию в Карелии. С одной стороны, в этой республике

карельский язык фактически ликвидирован – он не имеет государственного статуса и сохранился лишь в некоторых деревнях. Но точно так же в советские и постсоветские годы была ликвидирована культурная специфика коренного русского населения Заонежья. Местные диалекты, на которых когда-то записывались древнерусские былины, были выведены из обихода и признаны «не соответствующими нормам русского языка». Единственной государственно признанной «нормой» по всей России было провозглашено московское правописание и произношение.

Эта искусственная унификация кардинально отличается от живого многообразия, которое можно наблюдать в других крупных мировых языках. Великобритания вовсе не диктует какие-то единые глобальные правила английского – в США они могут быть свои, как и в Австралии или Новой Зеландии. А есть еще Euro-English – несколько упрощенный, но зато позволяющий множеству европейских народов легко понимать друг друга. Германия не пытается объявить немецкий язык своей «собственностью», но оставляет полное право австрийцам и немецкоговорящим швейцарцам устанавливать свои нормативы. Граждане множества стран Латинской Америки наверняка бы удивились, если бы Мадрид попытался навязывать им единые языковые нормы...

Русский язык также нуждается в освобождении его от функции инструмента имперской политики. Россия перестанет обладать придуманным «копирайтом» на него, если в различных заинтересованных странах появятся свои институты русского языка, разрабатывающие его собственные нормы, опирающиеся на местные диалекты.

Для современной Украины это может стать неожиданным и выигрышным ходом в информационной войне, которую навязала ей Россия. На Украине русский язык все еще ассоциируется с Россией – но это ложная ассоциация, возникшая вследствие массивной российской пропаганды. Отказываться из-за этой пропаганды от русского языка – все равно как если бы американские борцы за независимость отказались от английского только потому, что на нем говорит армия Британской империи. Тогда как русский язык может быть просто удобным коммуникатором для постсоветского пространства. Например, одесский губернатор Михаил Саакашвили говорит по-русски, но вряд ли кто-то заподозрит его в проведении российской политики.

Нобелевская премия русскоязычного, но не российского писателя – это, по существу, признание глобальной роли русского языка, который принадлежит людям, а не государствам. Этот успех могло бы закрепить создание в Европе ряда независимых и популярных русскоязычных СМИ, которые своим свободомыслием победят имперскую пропаганду в нынешнем российском обществе.

Русский язык признан одним из шести глобальных языков ООН не потому, что Россия является «ядерной сверхдержавой», как уверяют сторонники противостояния с окружающим миром. Такими же глобальными языками являются испанский и арабский, на которых говорят во множестве стран, не обладающих ядерным оружием. Глобальный статус языка зависит не только от числа говорящих на нем, но и от его культурной привлекательности для других народов. Поэтому те, кто превращает русский язык в инструмент агрессивной империи, сами закрывают перспективу его глобального будущего.

теги

[Russian world](#)

[Russian](#)

[Nobel](#)

[Russian language](#)

категории

[Russia / World](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu